

Понятие «тоски» в «Котловане» Платонова

Александра Зонина (Образовательная программа «Философия»)

Аннотация

Настоящая работа посвящена анализу феномена «тоски» в представлении русского писателя Андрея Платонова, в частности, в его произведении «Котлован». В современном исследовательском сообществе еще не выявлено определение понятия русской «тоски». Несмотря на претензию называться конкретным, оно является скорее абстрактным, из – за чего возникает сложность понимания этого феномена в целом (и вместе с тем появление множественности трактовок). Соответственно, необходимо прояснить понятие тоски на примере работ А. Платонова, а также выявить, каким образом тоска прослеживается в творчестве Андрея Платонова и как этот феномен связан с еще одной важной темой – проблемой поиска смысла жизни.

Ключевые слова: тоска, Платонов, Достоевский, жизнь

С приходом фашистов Эрнста Блоха депортируют из Швейцарии из – за его антинацистских взглядов и еврейского происхождения, после чего он много путешествует по Европе и в конце концов мигрирует в США. Примерно в это время (с 1918 по 1923) он выпускает работу «Дух утопии», название которой отсылает к трудам Вебера и Монтескье. В «Духе утопии» Блох соединяет мотив пролетарской революционности со своеобразным мистическим атеизмом, идеи о чем впоследствии отчасти лягут в его труд «Принцип надежды» 1954 – 1959 гг. и работу о Георге Гегеле 1949 года. Концепция Блоха сводится к выражению утопии и желанию прояснить через материальное абсолютное, что приводит к поражению. Мысли Блоха – живой пример ситуации, когда люди (буквально, интеллектуалы) наводят на революционные настроения свои идеалистические принципы. В противовес этому выступают романтики и демократы, и первые подчеркивают меланхоличность обозначаемого Абсолюта и страдание из-за чрезмерности чувств.

Такой романтизм характерен для уже послереволюционного духа, связанного с ностальгией, разочарованием, «прямотой» прозы, которые вытесняют из мира понимание Абсолютного в гегелевском духе.

Здесь возможно вспомнить отрывок из стихотворения «Досуг» Фридриха Гельдерлина:

*«...Дым очагов дружелюбный; в садах, огражденных с заботой,
Тихо, и плуг задремал среди одинокого поля.
Но в сиянье луны белеют колонны развалин,
Храма врата, в которые встарь устрашающий, тайный
Дух беспокойства вступил, что в груди у земли и у смертных
Пышет и злобствует, неодолим, покоритель исконный...»¹*

Гельдерлин пытается передать присущие революции смятение, неопределенность и тревогу, которые становятся Обелиском для романтизированного дореволюционного мира. Вся существующая в мире негативность превращается в устоявшееся настроение, будто становясь символом и, отсюда, важнейшей частью бытия. То, что так важно было раньше, теперь обесмысливается, и это производит новый смысл. Из этих смешанных чувств тщетности, надежды, сострадания, экзистенциальной неопределенности, желания справедливости и потери смысла рождается тоска. Раскрывается важнейшая проблема переживания и экзистенциального страдания от того, что человек не в состоянии выразить нечто более своей экзистенции.

Лучше всего этот феномен проявляется через революционные и пролетарские настроения. Важнейшей частью русской революции 1917 года является элемент «выхода из сна». По сути, во многом неграмотные классы пробуждаются от незнания, из – за чего происходит рождение «органического интеллигента»². Такие описание и обозначенный ранее исторический контекст, по моему мнению, приводят к ощущениям Андрея Платонова, чьи герои являются выражениями квинтэссенции народности и философской эрудированности. Персонажи его произведений – выражение его самого, где явным образом происходит соединение материи и символа. Таким образом, в творчестве Платонова конца 1920-х начинает явным образом проявляться феномен тоски как одного из фундаментальных понятий его творчества.

«Котлован» – философская повесть Андрея Платонова, написанная им в 1930 году. Произведение представляет собой квинтэссенцию его взглядов на происходящие события 20-х и 30-х годов XX века: несмотря на то, что писателя возможно назвать явным выразителем советского периода, у него был иной взгляд на индустриализацию и коллективизацию, а отсюда и особый взгляд на утопическое восприятие построения коммунистического общества.

---

¹ См.: Фридрих Гельдерлин. Гиперион. Стихи. Письма. М., «Наука», 1988. Серия «Литературные памятники». Немецкая поэзия XIX века. Москва. Радуга, 1984. С. 15.

² Термин, используемый итальянским философом Антонио Грамши, который выражает человека, принадлежащего к определённому классу, но способного возвыситься над этим «классовым» состоянием.

В конце 1920-х – начале 1930-х он едет в Ленинградскую область в командировку, где наблюдает жизнь людей в колхозах и на заводах. Именно это время для советского человека ассоциировалось с окончательным разорением крестьянства и формированием колхозов, которые, в свою очередь, оказали значительное влияние на изменение сознания людей относительно жизни в СССР. Человек будто становился выразителем рабочей силы: «Неизвестные люди оказались новыми рабочими, что прислал Пашкин для обеспечения государственного темпа»³.

Одним из результатов революции, таким образом, возможно назвать наличие многочисленных попыток создать «новое» общество, лейтмотивом которого является борьба старого и нового, что способствует как нарастанию творческой силы (словно творческая созидательная интенция Н. Бердяева), так и омертвлению ее посредством перехода к власти символа. Остающаяся жизнь на границах новой реальности, старый порядок порождают меланхолию, связанную с тоской по уходящему, но вместе с тем и совершенно иное отношение к реальности, что провоцируется желанием «захватить» новое пространство мысли.

Андрей Платонов выражает эти настроения в произведениях через своего рода отрицание (которое нельзя назвать прямым отрицанием реальности, но скорее попытками через жизнь в «новом» мире вернуть утраченное), используя негативные слова и словосочетания: «беззащитных костей тоскливую нервность»⁴. Через эти слова Платонов не в полной степени отрицает реальность, но даже утверждает ее в своей противоречивости в виде «жизни» и «тоски». Соответственно, платоновская «тоска» сама по себе является незаменимой частью жизненности, связанной со своим антиподом – смертью, потому что в его произведениях «смерть» едва ли возможно назвать обычным и бессмысленным актом. Для Платонова это не просто смерть, но скорее «умирание», а в этом умирании также присутствуют интерес и особая жизнь: «Пусть разум есть синтез всех чувств, где смиряются и утихают все потоки тревожных движений, но откуда тревога и движенье? Он этого не знал, он только знал, что старость рассудка есть влечение к смерти, это единственное его чувство; и тогда он, может быть, замкнет кольцо – он возвратится к происхождению чувств, к вечернему летнему дню своего неповторившегося свидания»⁵. В Прушевском будто бы прослеживается личное отношение

---

³ См.: Платонов А.П. Котлован / Ред. Н.А. Грознова. СПб: «Наука», 2000. С. 36.

⁴ См.: Там же. С. 32.

⁵ См.: Там же. С. 105.

Платонова к смерти как следствию нарастающей тоски. То же возможно увидеть в «Чевенгуре»: «Через год рыбак не вытерпел и бросился с лодки в озеро, связав себе ноги веревкой, чтобы нечаянно не поплыть. Втайне он вообще не верил в смерть, главное же, он хотел посмотреть – что там есть: может быть, гораздо интересней, чем жить в селе или на берегу озера; он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды, – и она его влекла...»⁶.

Именно такая тоска приводит в конце концов человека одновременно и к ощущению дальнейшей свободы, и к замкнутости самого себя в условиях чего – то внешнего, которое давит и привносит элемент ощущения нивелирования свободы: например, Прушевский несмотря на то, что, по сути, является замкнутым в пределах своей экзистенции, испытывает живой интерес к феномену смерти и предпринимает попытки проверить эмпирически, что следует после нее. То есть здесь раскрывается тема жизни в смерти (представляющая собой бесконечные искания и буквально ощущение умирания как основу жизни), которая в конце концов, вероятно, должна привести к ощущениям вечности и свободы в действительном смысле.

Платоновская «тоска» не имеет своей целью критику советской власти. Скорее он как писатель становится выразителем трагедии и диалектических настроений, которые в то время витали в воздухе. В его сложном феномене тоски присутствуют надежда и вместе с тем тревога за социалистическое и советское будущее вообще, что выражается в словах самого Платонова через персонажа девочки – эсесерши в «Котловане»: «...Автор мог ошибиться, изобразив в смерти девочки гибель социалистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего»⁷. Такая тревога, я полагаю, сравнима с немецким Angst (экзистенциальным страхом), который, в свою очередь, связан с ощущением бездны (Abgrund) из – за незнания и, вместе с этим, открытости будущего. Например, датский философ Серен Кьеркегор противопоставляет Angst понятию Furcht (дат. Angest и Frygt), которое означает скорее некий эмпирический страх. Однако именно Angst как глубинный экзистенциальный страх может породить «болезнь к смерти»⁸; это страх перед ничто; возможно, отчаяние. Для Кьеркегора (а также и М. Хайдеггера) этот страх представляет собой «экзистенциальное

⁶ См.: Платонов А.П. Чевенгур / Изд.: «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание, 2006. С. 5.

⁷ См.: Платонов А.П. Котлован / Ред. Н.А. Грознова. СПб: «Наука», 2000. С. 116.

⁸ См.: Кьеркегор С. Болезнь к смерти / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. С. 27.

устройство «бытия–в–мире»⁹. Я полагаю, что примерно к этому и подводит читателя Андрей Платонов: ощущение тоски, связанное с тревогой от неизбежности и от незнания происходящего (обозначим кратко это так) в конце концов оказывается ощущением некоего опустошения, но это опустошение напрямую раскрывает бытие человека, его пребывание в нем в полноте своей бытийственности. Подтверждение данной мысли возможно найти в следующем фрагменте из «Котлована»: «...Его основное чувство жизни стремилось к чему – либо надлежащему на свете, и тайная надежда мысли обещала ему далекое спасение от безвестности всеобщего существования»¹⁰.

Здесь читатель приходит к еще одной важной детали в контексте анализа феномена «тоски», а именно – к разговору о поиске смысла жизни. Дело в том, в «Котловане» Платонов через темы, так или иначе связанные с «тоской», приходит к проблеме поиска смысла жизни, осознание которого по итогу «равносильно вечному счастью»¹¹. Связь тоски и поиска смысла жизни усматривается в следующем фрагменте: «...Часа через два Воцев принес ему образцы грунта из разведочных скважин. «Наверно, он знает смысл природной жизни», – тихо подумал Воцев о Прушевском и, томимый своей последовательной тоской, спросил...»¹². Иными словами, тоска будто бы неизбежно приводит к поиску того, что должно быть, но что невозможно явным образом артикулировать. Поэтому, я полагаю, Прушевскому так важно понять, что есть после смерти, которая, в свою очередь, представляет собой не простой, но романтизируемый, творческий, а вместе с тем трагический и неизбежный момент.

Платоновская «тоска» отлична от, к примеру, «тоски» Ф. М. Достоевского, который не переживал явных постреволюционных изменений, поэтому явление, представленное Платоновым, кажется более комплексным и неоднозначным. Вкратце, я полагаю, качественное различие понятия «тоска» у Платонова и Достоевского возможно обозначить следующим образом: в платоновской «тоске» присутствует «болезнь к смерти», которая по своей сути выражает отчаяние, тревогу относительно будущего, интерес к тому, что после смерти; «тоска» Достоевского же – «болезнь», которая сопровождает человека, выражающаяся как страх перед осуществленным бытием, жизнью.

Возможно сказать, что «тоска» существует как предмет эстетизации, к которому проникаешься чувством глубокой привязанности. Поэтому отчасти, как мне представляется,

---

⁹ См.: Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков: «Фолио», 2003. С. 132.

¹⁰ См.: Платонов А.П. Котлован / Ред. Н.А. Грознова. СПб: «Наука», 2000. С. 74.

¹¹ См.: Там же. С. 188.

¹² См.: Там же. С. 208.

для Платонова не столь было важно высказывание автора, сколько поиск самого читателя; желание ищущего увидеть и понять.

Итак, было выяснено, что «тоска» является комплексным явлением, которому невозможно привести какое – либо единое описание. Для того, чтобы приблизиться к пониманию «тоски», необходимо проследить контекст, в котором она зарождается и в котором проясняется в дальнейшем. Так, на творчество Андрея Платонова повлияли революционные настроения и, что более важно, постреволюционное преобразование сознания общества конца 1920 – х – начала 1930 – х годов. В «Котловане» писатель не ставит своей целью критику советской власти, но выражает смятение, тоску, связанную с тревогой относительно горячо любимой им Родины. Было также выяснено, что платоновская «тоска» выражается через глубокую привязанность к месту как чувство одновременных отрицания и утверждения жизни (более того, через тоску, я полагаю, выражается жизнь), что приводит к поиску смысла существования и попыткам понять вечность после смерти. Платоновская «тоска», связанная с тревогой, роднящаяся по смыслу с немецким Angst (экзистенциальным страхом), который, в свою очередь, связан с ощущением бездны и неизвестности, своего рода потерянностью, выражается в переживаниях и ощущениях невозможности предвидения и осознания будущего. Безусловно, это иная тоска, так или иначе роднящаяся по форме с феноменом Ф. М. Достоевского, но другая по своему содержанию и квинтэссенции элементов в ней.

Библиография

- Болдырев И.А. Время утопии: Проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха [Текст] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 296 с.*
- Кьеркегор С. Болезнь к смерти / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 160 с.*
- Платонов А. П. Котлован / Ред. Н.А. Грознова. СПб: «Наука», 2000. 399 с.*
- Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.*
- Чеснокова Л.В. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой философии / Л.В. Чеснокова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2012. № 8 (43). С. 160-165.*
- Платонов А.П. Чевенгур / Изд.: «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание, 2006. 236 с.*

Фридрих Гельдерлин. Гиперион. Стихи. Письма. М.: «Наука», 1988. Серия «Литературные памятники». Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 28 с.

The concept «toska» in «The Foundation Pit» by Platonov

Abstract

This work is devoted to the analysis of the phenomenon of "toska" in the representation of Russian writer Andrey Platonov, in particular, in his work "The Foundation Pit". The definition of the concept of Russian "toska" has not been revealed in the modern research community yet. This concept, despite the claim to be called concrete, is rather abstract, which makes it difficult to understand this phenomenon in general (and at the same time the appearance of a plurality of interpretations). Accordingly, it is necessary to clarify the concept of "toska" on the example of A. Platonov's works, as well as the identification of how this phenomenon can be traced in the work of Andrei Platonov and at the same time, how toska is connected with another important topic – the problem of finding the meaning of life.

Key words: toska, Platonov, Dostoevsky, life